

принципиально важна датировка написания «Окаянных дней», главное то, что их автор очень четко (и необыкновенно резко) выразил свою позицию: всюду — безумная кровавая вакханалия; грабежи, разбои, убийства, погромы стали явлениями повседневными и повсеместными. Бунин презирал смутьянов и бездельников, искренне полагал: надо постоянно, на совесть, с любовью к своему делу трудиться, а не сливаться «в едином порыве» с толпами безобразников.

Мягкосердечный монарх Николай Александрович не сумел тогда смирить бесчинствовавших смутьянов, демагогов, бандитов, уголовников, а нашей стране всегда необходим сильный и справедливый хозяин, любящий свой народ, желающий ему всяческого добра. И вдобавок к этому — способный добиться уважения чужеземцев к великой России.

СВОЙ: *Пять лет назад на экраны вышел фильм Никиты Михалкова «Солнечный удар», где, помимо рассказа, написанного в 1925 году, были использованы мотивы «Окаянных дней». Как Вам лента?*

Лавров: Картина сильная: сюжет крепкий, напряжение по ходу действия нарастает. Удачен подбор

актеров. В фильме есть пища для ума. От него веет теплой, ностальгической атмосферой, грустью по старой, давным-давно ушедшей, во многом прекрасной, несравненной России.

СВОЙ: *А по стране периода «реформ» не грустите? При всех, мягко говоря, сомнительных достоинствах того периода именно тогда Вы познали в полной мере прелести славы и успеха. На протяжении восьми лет каждый четверг «Московский комсомолец» публиковал Ваши произведения с пометкой «продолжение следует».*

Лавров: Да, лично для меня это были удачные годы. На презента-

ции моих книг приходили сотни людей. Например, в июле 1998 года во время праздника «МК» в «Лужниках» мне довелось представлять сразу шесть своих сочинений. Ушли все 4800 экземпляров.

Теперь тяга к литературе ослабла, по сравнению с советским периодом и даже 1990-ми мы стали гораздо меньше читать.

СВОЙ: *Помнится, где-то Вы рассказывали, что Ваш роман с литературой начался с Пушкина...*

Лавров: Верно. В нашей домаш-

ней библиотеке было издание «Евгения Онегина» 1833 года. Когда еще младенцем ложился вечером в кровать, бабушка читала строки, которые меня отчего-то волновали: «Уж темно: в санки он садится. / «Пади, пади!» — раздался крик; / Морозной пылью серебрится / Его бобровый воротник».

Зимой 1941 года я, шестилетний мальчишка, оказался в эвакуации в Перми. Там находился в то время Театр оперы и балета имени Кирова из Ленинграда. Тетя Поля, к которой нас подселили, служила в театре — то ли билетером, то ли в какой-то другой должности. И поэтому весь репертуар был к моим услугам... Как-то раз, к своей радости, оказался за кулисами — несказанно понравилось! Впоследствии прослушал и посмотрел все спектакли, но более всего пришелся по душе «Евгений Онегин». Особенно сцена дуэли. Однажды перед ее началом забыли зарядить пугач: Онегин щелкает, а выстрела нет. Повисает неловкая пауза. И вдруг из оркестровой ямы раздается громкий утробный звук: «бум!» — это барабанщик по команде дирижера что есть мочи стукнул в большой барабан. Похоже было на пушечный выстрел. Несчастный Ленский осел на подмости... Зал аплодировал. Многие решили, что так и надо было.

Вообще сколько себя помню, всегда много читал: сначала — Чуковского, Михалкова, Маршака, басни Крылова, «Красную Шапочку», несколько позже — «Путешествие Гулливера» издания «Товарищества И.Д. Сытина», тома Майн Рида, выпущенные в начале XX века Петром Сойкиным, и прочая, прочая. С ранних лет выписывал в школьные тетради (они сохранились) полюбившиеся выражения.

Четырех лет от роду сочинял эпистолы отцу, известному футболисту Виктору Лаврову. Как-то раз он, уезжая на базу «Локомотива» в Хосту, провидчески пошутил: «Еще один борзописец растет».